

ОТКЛИКИ ЖИЗНИ

Изданіе Группы
Соціалистовъ-Революціонеровъ
(Выходитъ два раза въ мѣсяцъ)

Адресъ Редакціи:
Redaction de «L'Echo de la Vie»
19, rue Daguerré, Paris.

ВТОРАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

Кто съ радостью и надеждой, кто со злобой и тревогой, — но всѣ безъ исключенія напряженно смотрѣли нѣсколько дней въ сторону Кіенталя, гдѣ происходила вторая конференція циммервальдцевъ.

По ироніи судьбы, какъ и въ первый разъ, со злобой и тревогой смотрѣли не только тѣ, кому по рангу и происхожденію полагается въ такихъ случаяхъ злобствовать и ожигаться, — а многіе — къ сожалѣнію очень многіе! — изъ тѣхъ, что раньше съ серьезнымъ видомъ сами засѣдали на международныхъ социалистическихъ съѣздахъ и на нихъ задавали тонъ, являлись ихъ идейными „руководителями“.

Сейчасъ эти „бывшіе люди“, прикованные желѣзной цѣпью къ своимъ національнымъ правительствамъ и буржуазіямъ, съ какимъ то воистину зоологическимъ злопахательствомъ относятся къ бывшимъ своимъ товарищамъ превозмогшимъ эту национальную ограниченность, выявляющимъ не на словахъ, а на дѣлѣ свое свободное отъ элементовъ буржуазной морали отношеніе къ лучшимъ завѣтамъ социализма.

Когда вопросъ шелъ о Сахалинѣ и Портъ-Артурѣ Г. Плехановъ кокетливо пожималъ руку японскому социалисту — Катоямѣ.

Когда же на карту поставлены не изобрѣтенные гг. Безобразовыми фиктивные „интересы“ на Дальнемъ Востоку, а „реальные“ интересы „Ближняго Востока“ — гг. Плехановы двухъ враждебныхъ коалицій смотрятъ другъ на друга „звѣриями“, обвиняютъ другъ-друга во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ и не замѣчаютъ лишь одного: что они духовные братья; что всѣ они добрые патріоты, только каждый своего отечества; что всѣ они гуртомъ продали право своего социалистическаго первородства за уготованную буржуазіей чечевичную похлебку.

Это идейное сродство такъ называемыхъ „бойкотистовъ“ международныхъ социалистическихъ конференцій, помимо ихъ желанія и воли, сказывается очень рельефно. Всѣ они противъ „раскола“ национальныхъ партій и за единство. Всѣ они за старое, фиктивное международное бюро, которое до сихъ поръ не только ничего не сдѣлало положительнаго для восстановленія порванныхъ международныхъ связей, но, съ достойной лучшей участи энергіей, мѣшало этому дѣлу. Всѣ они съ энтузіазмомъ — тоже достойныхъ лучшей участи — ведутъ ожесточенную кампанію противъ „своихъ“ отечественныхъ интернаціоналистовъ: всѣ они, подбываясь подъ языкъ военныхъ прокуроровъ, фальсифицируютъ революціонно-социалистическое мировоззрѣніе, наклеивая на него фальшивый ярлыкъ „измѣны“ и „пораженчества“.

Въ столь неблагоприятной обстановкѣ, гдѣ приходилось преодолевать не только тяжелыя условія, созданныя повсемѣстно, военнымъ положеніемъ, но и организованную травлю всей буржуазной и большей части бывшей социалистической прессы, — шла работа на мѣстахъ интернаціоналистовъ, подготавливавшихъ вторую конференцію.

Какъ бы осторожно не оцѣнивать результаты этой работы, нельзя не признать, что этапъ, пройденный отъ Перваго Циммервальда до Второго — значителенъ; что голосъ разума и совѣсти нашель отзвукъ въ народныхъ сердцахъ; что „сдвигъ“, происшедшій въ настроеніяхъ широкихъ массъ, чреватъ великими возможностями...

Мы, конечно, далеки отъ мысли приписать все исцѣляющее дѣйствіе этого сравнительно краткаго періода — циммервальдцамъ. Нѣтъ. Жизнь какъ всегда, такъ и здѣсь, оказалась самымъ лучшимъ учителемъ. Это она разоблачала идейную подоплеку современной войны; это она наносила ударъ за ударомъ освободительнымъ легендамъ, которыми убаюкивались, вовлеченные въ кровавое побоище, народы; это она возвращала рабочій классъ, потерявшій въ хаосѣ событийъ вѣрную ориентацію, съ буржуазно-націоналистическаго на международно-социалистическій путь...

Воззвание, съ которымъ обратилась ко всѣмъ труженникамъ городовъ и деревень вторая циммервальдская конференція, несомнѣнно, послужитъ новымъ стимуломъ для ихъ классовой эмансипаціи, для организаціи ихъ воли и противопоставленія ея — какъ *воли къ миру*, волѣ къ войнѣ хищной международной буржуазіи.

Только этими путями можемъ придти мы къ миру, приемлемому для социалистовъ; только на этихъ путяхъ мы остаемся вѣрными лучшимъ завѣтамъ социализма и не приносимъ въ жертву эту высшую цѣнность, условнымъ цѣностямъ буржуазнаго міра...

Б. К.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОПРЕДЪЛЕНІЕ И ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА

III.

Мы хорошо, знаемъ какъ скверно можно использовать изложенныя въ двухъ предыдущихъ статьяхъ мысли — использовать — во вредъ трудовому народу и международному социализму: это уже дѣлалось и дѣлается. Мы знаемъ, что социаль-патріоты воюющихъ странъ, для объясненія и оправданія занятыхъ ими по отношенію къ войнѣ позицій, жонглируютъ — гдѣ безсознательно, а гдѣ и вполне обдуманно — и идеей національной независимости и идеей національной самозащиты.

Эта идиллия, однако, нисколько насъ не умиляетъ: ибо мы чувствуемъ, въ чемъ малая правда и большая ложь ея. Но она насъ и не пугаетъ — настолько, чтобы мы признали нужнымъ предать проклятію тѣ мысли, которыя пытались защитить.

Всякую идею, даже самую правильную, самую благородную, можно исказить до неузнаваемости; изъ всякой идеи, самой бесспорной и самой справедливой, можно сдѣлать ультра-гноусное употребленіе. Но извращеніе идеи, неправильное или недобросовѣстное использованіе ея нисколько не дискредитируетъ самой идеи. И всякое такое покушеніе на идею есть, собственно, покушеніе съ негодными средствами — не только со стороны тѣхъ, кто исказилъ или во вредъ использовалъ ее, но и со стороны тѣхъ, кто, на основаніи подобнаго рода экспериментовъ надъ идеей приходитъ къ отрицанію ея.

Все это — трюизмы. Но порой и трюизмы кажутся чуть ли не откровеніемъ.

Глубоко справедливая и бесспорно социалистическая идея о правѣ cadaго народа на самоопредѣленіе и самозащиту претерпѣваетъ сейчасъ — въ чадѣ порохового дыма — не мало тяжкихъ испытаній, извращающихъ ея существо и дѣлающихъ изъ нея орудіе международной бойни. И этого оказалось вполне достаточнымъ, чтобы нѣкоторые интернационалисты пришли къ мысли о тлѣтворности этой идеи и признали необходимымъ замѣнить ее афоризмомъ „Коммунистическаго Манифеста“ о пролетаріяхъ, не вѣдающихъ отечества, и парадоксомъ Либкнехта о существованіи на всемъ земномъ шарѣ только двухъ „націй“ — „націй“ эксплуатируемыхъ и „націй“ эксплуататоровъ.

Но эта замѣна есть по существу отказъ отъ реального во имя фиктивного. Ибо — чего, собственно, мы добьемся, санкціонируя несуществованіе у трудящихся „отечества“ и декретируя уничтоженіе всѣхъ націй, кромѣ либкнехтовскихъ? Только одного: отрѣшая трудовыя массы отъ „отечества“, мы de facto лишь самихъ себя отрѣшимъ отъ жизни, въ которой „отечество“ является непреложнымъ, исторически сложившимся фактомъ, коренящимся глубоко въ нѣдрахъ народнаго сознанія; пытаясь денационализировать жизнеспособные и жизнѣдательные коллективы, именуемые націями, мы возстановимъ ихъ противъ социализма. Нельзя перестраивать и ломать человѣческую природу во славу плохо понятыхъ афоризмовъ и скверно надуманныхъ парадоксовъ. Да и зачѣмъ творить новое изъ ничего, въ пустынѣ, когда зачатки его даны самою жизнью, когда они могутъ стать одновременно и средствомъ и цѣлью этого новаго — при условіи умѣлаго и бережнаго съ ними обращенія.

* * *

Итакъ, двуединое право на національное самоопредѣленіе и національную самозащиту должно быть начертано на скрижаляхъ новаго Интернационала. Но „начертать“ и толь-

ко „на скрижаляхъ“ — это очень мало. Надо сдѣлать изъ него *дѣйственные выводы*. Иначе вновь повторится все то, что видимъ мы сейчасъ — взаимное непониманіе и кровавая вражда тамъ, гдѣ, казалось бы, должны быть полное единомысліе и солидарность дѣйствій, направленныхъ къ скорѣйшему достиженію общей цѣли, мира. А для того, что бы изъ права національнаго самоопредѣленія и самозащиты сдѣлать дѣйственные выводы, его надо прежде всего *начертать въ сознаніи* трудящихся классовъ — о чемъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не мало говорили, но очень мало думали и еще меньше заботились.

У рабочаго класса есть два врага — буржуазія и ея правительство, которое почти всюду, даже въ несомнѣнно демократическихъ странахъ, отмѣчено печатью абсолютистскихъ и полуабсолютистскихъ тенденцій. Оба эти врага всегда готовы использовать и на самомъ дѣлѣ пользуются въ своихъ интересахъ цѣлымъ рядомъ националистическихъ предрасудковъ, взвинчивая ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ до уровня грубѣйшаго шовинизма и взаимной національной ненависти. Съ этимъ зломъ надо бороться, такъ сказать, на два фронта: надо не только вскрывать истинную подоплеку своекорыстныхъ махинацій буржуазіи и ея правительства, но и воспитывать мысль, чувство и волю — *особенно волю* — рабочаго класса въ направленіи международной солидарности.

Это воспитаніе не можетъ ограничиваться тѣмъ, чѣмъ ограничивалось оно до сихъ поръ — пропагандой, словомъ убѣжденія, завершающагося принятіемъ благородныхъ, но по существу невинныхъ резолюцій. Нѣтъ, тутъ нужно другое: нужны социальное-политическіе предметные уроки, нужно систематическое, неуклонное укрѣпленіе воли къ дѣйствіямъ — практическимъ, конкретнымъ, деказывающимъ съ наглядностью аксіомы, что международная солидарность „не красный вымыселъ“, не звукъ пустой, а сама дѣйствительность, неумолимая по отношенію къ буржуазіи и ея правительствамъ, благотѣльная для міра труда, его задачъ и идеаловъ. Не на конгрессахъ и конференціяхъ, не на партійныхъ съѣздахъ и очередныхъ собраніяхъ воспитывается рабочий классъ въ духѣ интернациональнаго братства; не ими создается способность взаимнаго пониманія, чувство взаимной отвѣтственности, воля къ акціямъ — нѣтъ: эту великую работу перевоспитанія трудящихся, приспособленія ихъ психики къ свѣтозарному царству труда и свободы, борцы социализма должны вести въ самой гущѣ жизни, каждодневно, непокладая рукъ, самоотверженно. Каждый политическій актъ любого изъ буржуазныхъ правительствъ — заключеніе новыхъ торговыхъ договоровъ или предпринимательскихъ концессій, введеніе новыхъ таможенныхъ тарифовъ, заключеніе новыхъ займовъ, возникновеніе новыхъ локкаутовъ, установленіе новыхъ законовъ, стѣсняющихъ международное общеніе или тормозящихъ развитіе международной солидарности и т. д. и т. д. — все это должно находить живой и непремѣнно дѣйственный откликъ въ трудовыхъ массахъ не только непосредственно заинтересованныхъ, но и всѣхъ странъ. И, съ другой стороны, всякое серьезное экономическое или политическое выступленіе рабочаго класса — петиціи, забастовки, стачки, мирныя и вооруженныя демонстраціи, революціонные акты — должны встрѣчать такую же живую, дѣйственную поддержку въ рабочемъ народѣ другихъ странъ. Такимъ образомъ можно поднять и укрѣпить въ трудящихся массахъ творческую энергію и желаніе приблизить часъ осуществленія социализма. Такъ и только такъ можно утвердить ихъ въ мысли, что „L'attentat contre une classe ouvrière nationale et l'attentat contre la

classe ouvrier internationale". И только при наличности такой предварительной подготовки можно надѣяться, что въсто тѣхъ взаимныхъ перекоровъ, розни и братоубійственной вражды, которые такъ ярко сказались сейчасъ, создастся единеніе, необходимое для предупрежденія войны или для возможно скорого восстановленія мира, разъ война станетъ совершившимся фактомъ. Тогда дѣйствительно можно будетъ рассчитывать, что въ отвѣтъ на циничную авантюру правительства своей родины рабочій классъ скажетъ, qu'il ne marchera pas ou plutôt qu'il marchera contre les machinateurs criminels, qu'il se soulèvera pour arracher la patrie aux maquignos de la patrie" (Жоресъ); и не только скажетъ, но и осуществитъ свою угрозу...

Арапатскій.

КЪ ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХЪ НОВАГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

II.

Воспитанные на компромиссахъ въ вопросѣ о войнѣ, на молчаливомъ признаніи невозможности борьбы съ ней въ предѣлахъ капиталистическаго общества, вожди склонились передъ ней какъ передъ фактомъ, безъ протеста, безъ попытки противопоставить стихіи организованную силу. И не только склонились, но и признали войну своимъ дѣломъ и сдѣлали все, чтобы подвести идеологическій фундаментъ подъ это „свое“ дѣло.

Отсюда и дальнѣйшее, — и единеніе съ представителями современной государственной власти и буржуазіей, и лозунги „все для побѣды“, и упорный отказъ отъ какихъ бы то ни было попытокъ къ восстановленію интернациональныхъ связей во время войны. Въ большинствѣ странъ социалисты отказались примѣнить по отношенію къ войнѣ единственную конкретную мѣру, рекомендуемую старымъ Интернационаломъ, — отказъ отъ голосованія кредитовъ. Интернациональная связь между социалистами, — даже тѣми, кто присутствуя на международныхъ сѣздахъ могъ укрѣпить въ себѣ чувства международной солидарности, — оказалась настолько хрупкой, что не выдержала суроваго испытанія, посланнаго ей исторіей.

Непрочной, чисто внѣшней оказалась и готовность къ дѣйствию, къ борьбѣ „всеми средствами“. Въ данномъ случаѣ это „все“ породило „ничто“. Слишкомъ общій характеръ рѣшеній, принимаемыхъ конгрессами, исключалъ ихъ *обязательность*, снималъ съ каждаго въ отдѣльности отвѣтственность за принятое рѣшеніе. Такому характеру социалистическихъ рѣшеній въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ и самый духъ II-го Интернационала, переоцѣнивавшего значеніе парламентской борьбы, ставившаго главной своей задачей ростъ организацій, ихъ численное превосходство, „накопленіе силъ“ и недооцѣнивавшего значеніе непосредственнаго проявленія массовой активности.

Въ массахъ велась подготовительная работа просвѣтительнаго характера, рассчитанная на многіе и многіе годы, шла пропаганда противъ шовинизма и милитаризма. Но массы совсѣмъ не воспитывались въ духѣ дѣйствія, активнаго отпора проявленіямъ милитаризма. Но и то, что дѣлалось въ этомъ направленіи, задѣвало лишь верхніе слои массъ, не проникало въ глубь городского населенія и оставляло совершенно незатронутымъ крестьянство, которое такъ непросто-точно игнорировало старый Интернациональ.

И въ предѣлахъ чисто интернациональной работы дѣятельность Интернационала носила слишкомъ односторонній характеръ. Къ жизни Интернационала массы не были привлечены почти совсѣмъ. На конгрессы съѣзжались представители разныхъ странъ и лишь они, эти „верхи верховъ“ могли воспитывать въ себѣ чувства международной солидарности. Массы же не приучались чувствовать живой интернациональной связи, не приучались откликаться на событія, происходившія внѣ ихъ страны.

Что было сдѣлано въ этомъ направленіи прежнимъ Интернационаломъ? Установленіе первомайскаго праздника труда, какъ проявленіе международной связи рабочихъ. Кое-гдѣ совѣстныя массовыя манифестаціи мирной солидарности (англійскихъ и нѣмецкихъ социалистовъ); и лишь за самое послѣднее время попытки болѣе непосредственнаго сближенія пролетаріата отдѣльныхъ націй, какъ это было въ 1914 году, когда на первомайскомъ праздникѣ выступили передъ массами въ качествѣ ораторовъ представители разныхъ національностей и къ французскому народу обращались съ рѣчами нѣмецкіе, англійскіе, русскіе, итальянскіе и другія ораторы.

Въ Штутгартѣ Интернациональный конгрессъ указывалъ на рабочую политику, въ результатѣ которой явилось восстановление добрыхъ отношеній между Франціей и Англійей; народныя манифестаціи и дѣятельность социалистическихъ членовъ парламентовъ Франціи и Германіи во время мароккискаго кризиса; согласованную дѣятельность австрійскихъ и итальянскихъ социалистовъ для предотвращенія конфликта между этими двумя странами; внимательство рабочаго класса Швеціи во имя предупрежденія нападенія на Норвегію. Но всего этого было слишкомъ мало для борьбы съ національной замкнутостью и отчужденностью. Конгрессъ могъ бы также перечислить случаи, когда, при полномъ молчаніи социалистовъ, совершались вопіющія несправедливости. И этотъ списокъ вышелъ бы гораздо длиннѣе перваго. Рядъ фактовъ и явленій, гибельно отзывавшихся на дѣлѣ всего социализма, оставался безъ отвѣта, безъ отзвука въ социалистической средѣ. Стоитъ только вспомнить отношеніе французскаго пролетаріата къ вопросу о русско-французскомъ займѣ, — въ предѣлахъ борьбы съ русской революціей.

Этотъ духъ узкаго прагматизма, эта боязнь рѣшительныхъ мѣръ были не случайнымъ моментомъ въ жизни II-го Интернационала: они являлись логически — неизбежнымъ слѣдствіемъ тѣхъ теоретическихъ основъ, на которыхъ строилось его зданіе. Во II-мъ Интернационалѣ, объединявшемъ представителей всѣхъ культурныхъ странъ земнаго шара, были представлены разнообразныя оттѣнки социалистической мысли, но господствующее положеніе среди нихъ занимало социальное-политическое мировоззрѣніе германской соц.-демократіи, — мировоззрѣніе, гипнотизировавшее своей стройностью и законченностью, но безсильное охватить многогранность общественно-политической жизни вслѣдствіе своей доктринерской узости. И эта узость не компенсировалась даже тѣмъ напряженіемъ воли къ дѣйствию, которое нерѣдко является результатомъ именно примитивизма и односторонности, ибо все мировоззрѣніе складывалось подъ знакомъ недоувѣрія къ дѣйственности челоувѣческой воли и безмѣрной переоцѣнки механическихъ силъ, по непреложнымъ законамъ управляющихъ развитіемъ челоувѣческаго общества.

Возлагавшее слишкомъ большія надежды на „ходъ исторіи“ руководящее большинство 2-го Интернационала заботилось лишь о накопленіи силъ вплоть до того момента, когда пробьетъ историческій часъ капитализма.

Но этотъ пассивизмъ былъ лишь одной стороной теоріи индустріальнаго социализма; его другой стороной было суже-

ние задач социалистической борьбы и сознательное устранение цѣлой огромной категории арміи трудящихся массъ — трудового крестьянства. Индустриальный социализм обращался только къ городскому пролетариату и игнорировалъ трудящихся массы деревни, ибо этимъ послѣднимъ ему нечего было сказать. Изъ всѣхъ секцій II-го Интернаціонала лишь русская секція — въ лицѣ П. С. Р., — признавала работу въ крестьянствѣ столь же важной и обязательной, какъ и работу среди городского пролетариата. Индустриальный рабочий, по догмѣ господствовавшего во II-мъ Интернаціоналѣ мировоззрѣнія, мыслился какъ единственный представитель интернаціонального социализма.

Изъ этихъ краткихъ указаній на характеръ дѣятельности прежняго Интернаціонала ясно, чѣмъ долженъ быть 3-й Интернаціоналъ, если онъ хочетъ быть дѣйственной силой, мощной спайкой отдѣльныхъ человѣческихъ воль, направленныхъ на завоеваніе будущаго счастья человѣчества на основаніи правды и справедливости.

(Продолженіе слѣдуетъ)

И. Андреева.

Еще къ вопросу объ учетѣ силъ

Что вопросу объ учетѣ силъ суждено поднять ожесточенную полемику, я въ томъ не сомнѣвался. Но та необычайная торопливость, которую проявилъ Раф. Григорьевъ, стремительно атаковавшій меня со столбцовъ «Нашего Слова» (№ 99) явилась для меня сюрпризомъ. Правда, споръ поднять имъ не по существу вопроса, а по поводу нѣкоторыхъ частностей моей аргументаціи, но, вѣроятно, и самъ Раф. Григорьевъ не подозреваетъ въ какой мѣрѣ эти частности тѣсно связаны съ коренной сущностью вопроса.

Я, какъ можетъ быть помнить читатель, нахожу въ моей статьѣ, что «вѣроятно» ликвидация мнѣйшей партійной дирекціи, а Раф. Григорьевъ называетъ это моимъ «категорическимъ утвержденіемъ». Затѣмъ я констатирую, что въ партіи дѣйствительными хозяевами положенія являются лѣвые реформисты и о причинахъ этого явленія, общаю поговорить особо. А Раф. Григорьевъ — неизвѣстно, въ силу какихъ законовъ логики — по этому поводу пишетъ: «Нельзя не признать своеобразнымъ методъ Грильича; казалось бы, прежде чѣмъ «пужать» Интернаціоналъ, слѣдовало бы показать эту страшную угрожающую намъ буку, а не отсылать къ «особой статьѣ». Субъективная социологія — ничего не подѣлаешь!... Но, вѣдь, я «пужаю» Интернаціоналъ фактомъ, а не его причинами, которыя для «пужаній» безразличны, и стеслаю къ особой статьѣ за причинами, а не за фактомъ, который констатирую. Въ чемъ же тутъ своеобразіе моего метода? И почему, походя laying субъективную социологію — при чемъ она тутъ?... Впрочемъ, еслибы полемика Раф. Григорьева была только наборомъ такого рода несообразностей, то съ этимъ еще можно было бы помириться. Но дальше идетъ нѣчто худшее, нѣчто отдающее уже не столь невиннымъ ароматомъ.

Мой оппонентъ пишетъ: «Тѣмъ же почтеннымъ методомъ Грильичъ освѣщаетъ нѣкоторые факты изъ партійной жизни нашихъ итальянскихъ товарищей». Я видите ли, дерзнулъ написать, что Турати «нашелъ настоящий моментъ удобности, чтобы выступить съ письмомъ, въ которомъ объясняетъ», почему онъ и Тревесъ остаются въ партіи. Мой критикъ уличаетъ меня, что я «забылъ» сообщить читателямъ, что «статья») Турати была вынужденной, явившись отвѣтомъ на письмо... Донато Баки». Нечего грѣха таить — память у меня по старости лѣтъ стала слабоватой. И въ сознании своей вины я позволю себѣ робко задать моему противнику всего лишь одинъ вопросъ: почему

онъ проявилъ еще болѣе странную забывчивость — по просту забылъ прочитать ту самую, какъ онъ называетъ, статью Турати, изъ за которой у насъ сыр-боръ загорѣлся. А прочитать бы онъ тамъ могъ вотъ что: «Одинъ нашъ старый и дорогой товарищ... пишетъ намъ нижеслѣдующее письмо, на которое мы отвѣтили письмомъ, напечатаннымъ дальше. Это — пренія абсолютно личныя и частныя, но намъ угодно (nonci vriase) сдѣлать ихъ гласными». Ничто, сдѣловательно Турати, не принуждало: онъ выступилъ, потому что ему такъ было угодно, а если бы счелъ выступленіе неудобнымъ, то ему бы и не было угодно... Я знаю, что положеніе, въ которомъ очутился мой противникъ, — не изъ пріятныхъ; но моей вины въ томъ нѣтъ: во 1) виноватъ онъ самъ — пусть читаетъ то, о чемъ имѣетъ смѣлость писать; во 2) виновата честная откровенность Турати, пусть онъ съ Турати и разыскиваетъ...

Пользуясь «почтеннымъ методомъ», я, оказывается, въ тоже время не умѣю дооросовѣтно наблюдать, ибо, вопреки моему тревожному діагнозу, по утвержденію Раф. Григорьева, «добросовѣстный наблюдатель долженъ признать», что въ итальянской официальной социалистической партіи нынѣ силы центростремительныя и притягательныя возобладали надъ центробѣжными и отталкивающими. Однако недостаточно быть добросовѣстнымъ наблюдателемъ: нужно еще умѣть понимать то, что видишь... Видитъ добросовѣстный наблюдатель двухъ связанныхъ вмѣстѣ молодцовъ, тузящихъ другъ друга по загривкамъ, И каждый разъ, когда кулаки одного, опускаются на загривокъ другого наблюдатель радуется: дѣйствуютъ молъ, силы центростремительныя и притягательныя; каждый разъ, когда кулаки отдаляются отъ загривковъ, наблюдатель огорченъ: дѣйствуютъ силы центробѣжныя и отталкивающія... Впрочемъ вмѣсто аллегорій, не обратиться ли намъ къ тому же нечитанному моимъ критикомъ письму Турати. Что утверждаетъ оно? Что лѣвые реформисты остаются въ партіи, потому что выходъ изъ нея при тѣхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыхъ находится партія, «всеми ненавидимая, всеми прокливаемая», принесъ бы вредъ дѣлу социализма. И подъ давленіемъ этихъ внѣшнихъ условій «изъ двухъ опасностей — казаться потворствующими Avanti», ухаживающему за анархистами и синдикалистами, или быть заподозренными въ потворствѣ лживому, жестокому, циничному патриотардизму», — они выбираютъ первое. Относительно роли, которую играетъ давленіе внѣшнихъ условій, мы имѣемъ свидѣтельство и другой стороны — партійной дирекціи. Сдѣлавъ реформистамъ важную принципиальную уступку въ вопросѣ о сотрудничествѣ классовъ (въ гражданскихъ комитетахъ), дирекція откровенно признаетъ, что сдѣлала это, уступая «внѣшнимъ обстоятельствамъ» (Avanti, № отъ 22 іюня 1915 г.). Когда два элемента остаются вмѣстѣ, потому что подчиняются внѣшнему давленію, то ясно, что въ нихъ силы отталкивающія преобладаютъ надъ притягательными. И, вопреки фантазіи Раф. Григорьева, сама дирекція партіи не допускаетъ и мысли о возможности сближенія и примиренія. Вотъ что заявляла она по поводу скандализовавшей абсолютно-нейтралистскіе круги парламентской деклараціи Тревеса о долгѣ социалистовъ вести войну «до побѣднаго конца». Серьезнѣйшая проблема, которая поставлена этой войною, должна быть категорически рѣшена на ближайшихъ нашихъ конгрессахъ. Ея рѣшеніе — это вопросъ жизни и смерти для нашего движенія, или лучше сказать, это вопросъ о единствѣ и расколѣ въ нашихъ рядахъ».

Кто побѣдитъ на этихъ конгрессахъ и кто на нихъ будетъ ликвидированъ? Тутъ мы вступаемъ въ область того «вѣроятнаго» о которомъ я говорилъ. Посмотримъ, какія основанія имѣются для предсказанной мною вѣроятности. У абсолютныхъ нейтралитетовъ, по существу, въ рукахъ имѣется только печать, главнымъ образомъ Avanti! Въ парламентѣ они представлены такъ, что съ деклараціями отъ официально руководимой ими революціонной партіи выступаютъ: основоположникъ итальянскаго реформизма Турати, его alter ego Тревесъ и даже Граццани — чуть чуть не правый реформистъ и интервентистъ!... Затѣмъ, на кого опирается партія? Главная Конфедерація Труда, руководимая Риголой, — реформистская. Но конфедерація только часть такъ называемаго Тройственнаго Союза Труда, въ который входятъ еще двѣ сравнительно болѣе крупныхъ организаціи — Национальная лига Кооперативовъ и Федерация Обществъ взаимопомощи. Обѣ эти организаціи пріемлютъ войну. Затѣмъ имѣется болѣе 450 социалистическихъ

*) Никакой «статьи» Турати не писалъ. Въ № 4 «Critica Sociale» (органъ Турати) появились: письмо Т. Баки, отвѣтное письмо Турати и цитированное здѣсь пояснительное редакціонное примѣчаніе.

коммунъ. Эта масса социаль-муниципаловъ — огромная сила, но сила по существу реформистская, ибо въ мѣстномъ управленіи, кромѣ реформистской, никакой другой работы почти быть не можетъ. Наконецъ, война дала еще въ руки дѣвухъ реформистовъ новую армию — нѣсколько сотъ гражданскихъ комитетовъ, вступать въ которые социалистамъ, дирекція *вынуждена* была разрѣшить уступая «внѣшнимъ обстоятельствамъ» (См. выше). Правда, участвовавшее сотрудничество реформистовъ въ *Avanti* можно принять за показатель «сближенія». Но только при полной невинности Раф. Григорьева въ отношеніи даже ближайшаго прошлаго партіи и установившихся въ ней навыковъ и приемовъ позволительно дѣлать такіе спѣшные выводы. Это недоразумѣніе тѣмъ курьезнѣе, что Раф. Григорьевъ, очевидно, ни разу не удосужился заглянуть въ тѣ редакціонныя примѣчанія, которыми усердно снабжаются статьи Тревеса, Циборди, Риголы и др. дѣвухъ реформистовъ. Заглянулъ бы онъ, напр.: въ № *Avanti* отъ 21 сентября 1915 г. и прочиталъ бы: «Мы дѣлаемъ широчайшую оговорку относительно того, что пишетъ нашъ почтенный сотрудникъ. (Тревесъ). Онъ *рассматриваетъ*, намъ кажется, *интересы пролетариата съ точки зрѣнія буржуазной и національной. Мы желаемъ рассматривать ихъ съ точки зрѣнія пролетарской и интернациональной* исключительно». Вотъ такъ сблизилась!...

О взаимоотношеніяхъ социалистовъ и реформистовъ мнѣ придется бесѣдовать въ другой разъ. Сейчасъ же не могу не отмѣтить слѣдующей тирады моего оппонента: «И вотъ эту-то (республиканскую) буржуазно воинственную партію... Грильичъ рекомендуетъ... какъ отрадное явленіе... въ противобѣсъ «неприятному» — лѣвому реформизму» Тревеса и Турати». Это уже выходитъ за всякіе предѣлы «дозволеннаго» въ полемикѣ... даже такихъ полемистовъ, какъ Раф. Григорьевъ. Я въ своей статьѣ устанавливаю, что республиканская партія заняла позицію, которая даетъ право надѣяться, что на нашемъ трудномъ пути мы встрѣтимъ одной враждебной намъ буржуазной партіей меньше, — мало того, что эта партія, вѣроятно даже поддержитъ нѣкоторыя наши требованія. Приятное ли это явленіе? Очевидно, приятное. Я устанавливаю затѣмъ, что, благодаря антагонизму между дѣвухми реформистами и революціонерами итальянская социалистическая партія не представляетъ собой такой компактной могучей силы, какая была бы желательна для предстоящей борьбы. Неприятное это явленіе? Явно неприятное. Но значитъ ли это что я *рекомендую* республиканскую партію, да еще въ *противобѣсъ*, да еще *неприятному* лѣвому реформизму? Для отвѣта на это въ вопросъ достаточно, думаю, одной... элементарной порядочности!...

Римъ. 5 мая 1916 года.

Грильичъ.

КЪ СОБЫТІЯМЪ ВЪ ИРЛАНДІИ

(Историческая справка).

II.

Въ этой борьбѣ мы являемся защитниками не только Права и Договоровъ, но и независимости и свободнаго развитія національностей, даже самыхъ слабыхъ.

(Изъ рѣчи Асквита за нѣсколько дней до возстанія).

Не одно вѣковое приращеніе ирландцевъ английскимъ правительствомъ привело къ нынѣшнему возстанію. Было время, когда английское правительство стремилось къ осуществленію гомруля и изъ за этого въ Ирландіи происходила борьба между исконными политическими врагами — гомрулерами — католиками и оранжистами — протестантами.

Основываясь на существованіи этой борьбы, нѣкоторыя английскія газеты, предсказывали, что, если какія нибудь причины явятся помѣхой для осуществленія гомруля, то не въ далекомъ будущемъ Ирландія возстанетъ. Дѣло въ томъ, что, проводя въ 1913 г. черезъ законодательныя палаты билль о гомрулѣ, английское правительство столкнулось съ оранжистами, которые и намѣревались вооруженной силой воспрепятствовать осуществленію реформы.

Одинъ изъ членовъ, образовавшагося въ то время въ Ульстерѣ «временнаго правительства» — Э. Керсонъ, пользуясь недовольствомъ оранжистовъ, приступилъ къ вербовкѣ волонтеровъ, предназначавшихся для борьбы съ гомрулерами и английскими войсками, если послѣдніе стануть съ оружіемъ охранять гомруль. Образованіемъ волонтерской арміи былъ созданъ прецедентъ, которымъ воспользовались ирландскіе націоналисты и въ свою очередь стали открыто вербовать и обучать волонтеровъ. А такъ какъ католики-гомрулеры составляютъ 75 проц. всего населенія, то ихъ волонтерское движеніе приняло болѣе грандіозные размѣры чѣмъ у оранжистовъ. Английское правительство не только не препятствовало волонтерскому движенію гомрулеровъ, но сквозь пальцы глядѣло на ввозъ ими въ Ирландію оружія. Угроза гражданской войны въ Ирландіи была необходима английскому либеральному кабинету для того, чтобы консерваторы не сдѣлали попытки къ низверженію министерства. Когда же политическая ситуація измѣнилась, благодаря войнѣ, английское правительство воспользовалось — оранжистскими волонтерами — для подавленія вспыхнушаго возстанія.

Такимъ образомъ, ирландскій народъ, готовившійся вооруженной силой отстоять гомруль, возсталъ какъ только убѣдился, что изъ за войны, его національное освобожденіе откладывается на неопредѣленное время...

Что же касается роли Германіи въ этомъ возстаніи, то мы еще не знаемъ насколько самъ ирландскій народъ скомпрометировалъ себя «призваніемъ варяговъ». Не менѣ загадочной является пока дѣятельность Кэзмента. Гласный судъ надъ нимъ одинъ лишь можетъ установить истинный характеръ намѣреній этого человѣка.

Замѣтимъ пока, что воль манифестомъ ирландскихъ республиканцевъ не имѣется подписи Э. Кэзмента, котораго такъ охотно называютъ душой ирландскаго возстанія. Любопытно, наконецъ, и то, что английское правительство, поспѣшшее раздѣлаться съ вождями ирландскаго возстанія при помощи скорого военно-полевого суда, выдѣлило дѣло Кэзмента и отложило его.

Остановимся еще на одномъ обстоятельстве, историческаго характера, проливающимъ до извѣстной степени свѣтъ на темный вопросъ объ участіи нѣмецкаго правительства въ ирландскомъ возстаніи.

Трудность разрѣшенія ирландскаго вопроса, благодаря оранжистскому движенію, и въ прежнія времена заставляла нѣкоторыхъ лицъ подумать объ иностранномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Ирландіи. Такъ въ числѣ доводовъ, приводившихся всегда противъ автономіи Ирландіи имѣлось опасеніе иностраннаго десанта съ случаѣ внѣшней войны.

Противники гомруля говорили и писали, что Ирландія стремясь стать независимой и не имѣя на это достаточно собственныхъ силъ, можетъ воспользоваться помощью Франціи или Соед.-Штатовъ. Въ подтвержденіе чего приводился прецедентъ, имѣвшій мѣсто въ XVIII столѣтіи, когда франц. генералъ Гошъ пытался высадиться съ освободительной миссіей на берегъ Ирландіи. Сторонники ирландской автономіи указывали, что для автономной Ирландіи иностранный десантъ не будетъ имѣть своего *raison d'être*, тогда какъ при непрекращающейся враждебности Англіи съ Ирландіей послѣдняя, въ случаѣ внѣшней войны, можетъ воспользоваться ею и допустить иностранный десантъ.

Если эти соображенія высказывались ирландскими националистами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то ихъ противники, ульстеровцы, грозили английскому правительству иностраннымъ десантомъ, совсѣмъ недавно — передъ войной. Они заявили тогда, что если Ирландія дана будетъ автономія, то «мы будемъ сражаться; а если окажется, что мы слабѣе, мы призовемъ на помощь германскаго императора» (Діонео Рус. Бог. XII — 13). Церковная газета *Irish Churchman* писала по этому поводу слѣдующее: «Далеко не всѣ юніонисты (т. е. противники гомруля) знаютъ, что могущественный континентальный монархъ предложилъ намъ свою помощь, въ случаѣ если ирландскимъ протестантамъ навяжутъ гомруль. Монархъ этотъ готовъ послать сильную армию, что бы навсегда избавить Англію отъ необходимости заботиться объ Ирландіи, которая будетъ присоединена къ его владѣніямъ» (Діонео. Рус. Бог. XII — 1913).

Конечно, всѣ эти угрозы были однимъ лишь бахвальствомъ тѣхъ, кто привыкъ валить съ большой головы на зловую обвиненія въ предательствѣ.

Такимъ образомъ о десантѣ въ Ирландіи говорили, его опасались всегда и не мудроно что о немъ стали кричать съ перваго же момента возстанія, хотя послѣднее прогекало при участии одного лишь ирландскаго народа.

Ирландское возстаніе было раздавлено, хотя оно и отличалось поразительной распорядительностью главарой и точностью исполненія ихъ приказаній. Возставшіе были распределены по ихъ специальностямъ. Каждая группа специалистовъ — знала лишь то, что касалось ей и что было необходимо знать ей для дѣйствій. Система секретныхъ постовъ была доведена до совершенства съ такимъ расчетомъ, чтобы въ различныхъ областяхъ страны возстаніе было поднято одновременно. Но возставшіе упустили изъ виду захватить телефонное сообщеніе съ Дублиномъ, что повело къ преждевременному прибытію войскъ.

Когда стало очевиднымъ, что нѣтъ шансовъ на побѣду, Pearse, одинъ изъ подписавшихъ республиканскій манифестъ опубликовалъ слѣдующее письмо: «Для того чтобы прекратить *убійство безоруженныхъ людей* и въ надеждѣ спасти жизнь нашихъ друзей разбитыхъ численнымъ превосходствомъ войскъ, члены временнаго правительства рѣшили сдаться безъ условій, Говари всѣхъ частей республиканскихъ силъ должны приказатъ своимъ приверженцамъ сложить оружіе». Съ этого момента возстаніе пошло на убыль. Одной изъ послѣдней сдалась бисквитная фабрика Жакоба, гдѣ забарикадировались ларкинисты. «Домъ синдикалистовъ» сдался немного спустя.

Вождь синдикалистовъ Конноли. былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Въ виду того, что возстаніе подавлялось артиллерійскимъ огнемъ во многихъ мѣстахъ возникли пожары и убытки исчисляются въ нѣсколько сотъ милліоновъ франковъ.

За симъ начались обычная въ такихъ случаяхъ расправа съ воставшимъ и покореннымъ народомъ.

Англійское правительство прежде всего расстрѣляло четырехъ лучшихъ людей Ирландіи, подписавшихъ манифестъ: Pearse'a, Clarke'a Mac Donagh'a, и Конноли.

Pearse былъ однимъ изъ видныхъ духовныхъ вождей синнъ-фейнеровскаго движенія и среди членовъ временнаго правительства занялъ мѣсто предсѣдателя, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что англійское правительство поспѣшило избавиться отъ него разъ навсегда.

Clarke'a не спасли ни преклонный возрастъ, ни сѣдины. Во время правительствъ онъ являлся представителемъ стараго общества феніевъ.

Mac Donagh — былъ наиболѣе выдающійся ирландскій писатель и членъ синнъ-фейнеровской Партии.

Наконецъ, былъ расстрѣлянъ и Конноли, не смотря на то, что для казни его пришлось снимать съ больничной койки: обѣ ноги у него были перебиты. Конноли былъ другомъ Ларина и всюду сопровождалъ послѣдняго во время забастовочнаго движенія въ Дублинѣ въ 1913 году.

Англійское правительство расстрѣляло всѣхъ главарей ирландскаго возстанія — около двадцати человекъ и приговорилъ къ каторгѣ до ста чело. повстанцевъ.

По заявленію Асквита во время возстанія убито и ранено 1.315 человекъ изъ которыхъ на гражданское населеніе приходится 794.

Расстрѣлы, конечно, увеличатъ число жертвъ ибо ихъ совершаютъ съ такимъ усердіемъ, что даже англійская буржуазная пресса требуетъ меньшаго кровопролитія. Правда, эта пресса руководствуется лишь опасеніемъ какъ бы жестокая расправа съ воставшими не сдѣлала послѣднихъ мучениками въ глазахъ народа, что для нея, конечно, не желательно.

Александро.

ОТКЛИКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

„Вы хотите великихъ потрясеній, — сказалъ какъ-то Столыпинъ въ Думѣ, обращаясь къ лѣвымъ депутатамъ, — о мы хотимъ великую Россію“

Великая Россія... Великія потрясенія.. Все — крылатая слова, къ которымъ покойникъ имѣлъ большое влеченіе. Но не по адресу направлены они. И доживи Столыпинъ до нашихъ дней, онъ былъ бы, безпримѣрно, не только вдохновителемъ, но и дѣятельнѣйшимъ участникомъ той безответ-

ственной политики, которая ввергла „великую Россію“ въ вихрь сугубо разрушительный и дѣйствительно „великихъ потрясеній“...

* * *

Да, потрясеніе Россія переживаетъ поистинѣ великое. Предъ нами газетные отчеты съѣздовъ представителей земствъ, городовъ, военно-промышленныхъ комитовъ и проч., основная задача которыхъ — столковаться о возможно лучшей организаціи помощи и арміи и населенію, — задача насущная и неотложная, однако понадобились мѣсяцы, чтобы добиться у властей разрѣшенія на эти съѣзды. На второй же день совѣщанія представителей военно-промыш. комитовъ, самарскому делегату А. И. Коптину, пришлось сдѣлать слѣд. внѣочередное заявленіе:

Представители рабочихъ, отправляясь на съѣздъ, думали, — говоритъ Коптинъ, — что выраженное съѣздомъ общественное мнѣніе будетъ услышано страной. Но мы глубоко ошиблись. Въѣсто рѣчей ораторовъ мы видимъ въ газетахъ бѣлые мѣста. Вы хотите организовать общественныя силы, а населенію не даютъ узнать, о чемъ вы говорите. Въ интересахъ нашего общаго дѣла, въ интересахъ вашего собственного достоинства, а не только въ интересахъ защиты печати вы должны протестовать противъ накладыванія повязки на ваши уста.

Присутствующіе аплодируютъ и съѣздъ постановляетъ. Поручить своему предсѣдателю обратиться къ соотвѣствующимъ органамъ для того, чтобы по возможности были уничтожены стѣсноія газетъ въ оглашеніи печатанія отчетовъ о съѣздѣ.

„По возможности“! Кто-же опредѣляетъ предѣлы этой возможности? Но это намъ даетъ отвѣтъ представитель самарскаго комитета, Чуркинъ.

Началась война, — говоритъ онъ — и насъ авторитетно призвали къ объединенію, не считаясь со взглядами и съ убѣжденіями. Къ объединенію при полиціи. А устроили мы въ Оренбургѣ первое собраніе и главнѣйшихъ участниковъ арестовали.

Такъ ужъ съ перваго абцуга реагируетъ русскіе правительство на благонамѣренныя desiderata делегатовъ съѣздовъ.

* * *

А между тѣмъ, война затягивается, идетъ борьба на истощеніе. „Неужели и у насъ началось истощеніе?“ — тревожно вопрошаетъ делегатъ обще-городскаго съѣзда г. Астровъ.

На это отвѣчаютъ факты.

По утвержденію делегата Мельгунова теперь, только на одни военныя нужды Россія расходуетъ ~~ежедневно~~ свыше 31 милліона рублей, тогда какъ русско-японская война поглощала около 5-ти милліоновъ въ день. Далѣе. Въ то время, какъ въ 1914 г.

Государственный долгъ Россіи составлялъ 8 милліардовъ 800 милл., въ началѣ 1915 г. — 22 милліарда, а ко второй годовщинѣ войны долгъ переросъ 28 милліардовъ.

Наряду съ этимъ, по словамъ С. Н. Прокоповича У насъ, въ производящей странѣ, за первые 1½ года войны цѣны на хлѣбъ возросли на 200%.

А въѣстѣ съ тѣмъ въ настоящемъ году Посѣвная площадь уменьшается на 20-25%, а мѣстами — на 70%.

Не лучше обстоитъ съ цѣнами на предметы первой необходимости. Если принять за 100 цѣны на продукты первой необходимости — муку, сахаръ, масло, мясо и т. д. въ 1913 г., то въ 1916 г. цифру 100 придется замѣнить 150, 200, 300 и больше.

* * *

..., Упадочное настроеніе крѣпнетъ, говоритъ делегатъ Астровъ, —

Отсюда эти вихри безстыдства, предательства, взяточничества, жажда развлеченій...

А правительство, и его агенты остаются вѣрными себѣ.
„Развѣ не позоръ, — восклицаетъ делегатъ, казакъ Иваненко, по вопросу о разстройствѣ желѣзнодорожнаго транспорта, —

Что общественныя учрежденія вынуждены окружать себя цѣлыми организациями «толкачей» и «смазчиков»...

Говорилъ я и съ желѣзнодорожными агентами: „Почему у васъ такое нахальное воровство, почему такой позоръ, — спросилъ я у нихъ, — что вы русскіе люди или выродки? Неужели вамъ не жаль родины?». И я получилъ отвѣтъ, разъясняющій положеніе: «А, какъ мнѣ жить теперь при теперешней дороговизнѣ. Я помощникъ начальника станціи и получаю сорокъ рублей въ мѣсяцъ и въ то же время знаю, что главный начальникъ дороги получаетъ 60,000 руб. въ годъ, а на дорогѣ его не видно. И думаю, что онъ большій воръ, чѣмъ я».

Не то было, по словамъ того-же оратора, въ 1905 г., когда

Желѣзнодорожная среда облагородилась подъ могучимъ впливомъ охватившаго всю страну могучаго подъема. Но былъ назначенъ г. министр, который долженъ былъ эту облагородившуюся среду привести.

въ „первобытное состояніе“. И... привелъ.

Какъ-же съ этимъ бороться?

Повысить кары за взяточничество, отвѣчаетъ чуть-ли не большинство делегатовъ. Однако находятся и пессимисты.

— «Теперь положеніе хотятъ спасти повышеніемъ каръ за взятки, — говоритъ сочинскій делегатъ Сверчковъ.

Но — карами не поможешь. Виновные разсыяны по всей странѣ, ихъ не найти. А если одного главнаго и нашла бы верховная слѣдственная комиссія, то это привело бы только къ одному: въ честь его назвали бы его именемъ какой-нибудь узданный городъ, и только...

* * *

Не меньшимъ зломъ, по словамъ самарскаго представителя, Чуркина,

являются синдикаты капиталистовъ. Какъ на примѣръ онъ указываетъ на синдикатъ трехъ королей-отъ нефти.

Послѣдующее за этими строками бѣлое мѣсто, свидѣтельствуетъ, что рѣчь оратора выходила за предѣлы цензурной „возможности“.

Если прибавимъ къ этому жалобы делегатовъ на преслѣдованія кооперативовъ, на своеволие провинціальныхъ са-траповъ на мѣстахъ, — мы исчерпаемъ основныя темы съѣздовъ.

* * *

Каковы-же средства борьбы со всѣмъ этимъ зломъ? Напрасно въ лежащихъ предъ нами резолюціяхъ мы будемъ искать рѣшительныхъ, „дѣйственныхъ“ постановленій.

Всѣ эти „примирительныя резолюціи“ о „желательности“ и „неотложности“ „постояннаго взаимодѣйствія правительства и общества“ едва-ли могутъ „запугать“ правительство, или заставить его пойти на уступки.

Вѣдь этимъ резолюціямъ предшествовали рѣчи, въ которыхъ чуть-ли не каждый ораторъ первымъ дѣломъ старался выдать себѣ свидѣтельство о благонадежности.

„Мы не занимаемся политической борьбой“ торопливо оговаривается кн. Львовъ.

„Я не намѣренъ политиканствовать, — вторитъ ему Челноковъ — Но мы невольно (!) окунаемся въ гущу политики“.

„Я не революціонеръ... Всѣ мы не революціонеры“ заявляетъ Гуркинъ... и правительство успокаивается и продолжаетъ дѣлать свое дѣло...

* * *

„Намъ предлагаютъ новыя резолюціи, — говоритъ представитель оренбургскаго комитета, —

Мы можемъ ихъ принять съ единственной увѣренностью, что изъ нихъ такъ же ничего не выйдетъ, какъ ничего не вышло изъ прежнихъ нашихъ резолюцій.

Констатируя разницу въ настроеніяхъ между первымъ и вторымъ съѣздомъ, ораторъ заключаетъ:

Тогда царилъ атмосфера глубокой вѣры и сильныхъ порывовъ. Нынѣ этого нѣтъ: мы извѣрились въ силу бумажныхъ резолюцій и словесныхъ заявленій.

Намъ нужны дѣла, а ихъ нѣтъ.

Пессимистъ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Н. Д. Авксентьеву и И. И. Бунакову

Товарищи!

Мы обращаемся къ вамъ — и только къ вамъ — какъ къ членамъ коллектива, помѣтившаго съюзорезолюцію въ № 32 „Призыва“, и прежде всего какъ къ членамъ П. С.-Р.

Говоримъ: „только“ и „прежде всего“, т. к. ни фродерство т. Кубова, ни пермагентная „драка“ между представителями многочисленныхъ фракцій Р. С.-Д. Р. П. въ данномъ случаѣ насъ ничуть не интересуютъ и совершенно не трогаютъ. Но ваша солидарность съ содержаніемъ и, главное, съ душой напечатанной въ „Призывѣ“ резолюціи нуждается насъ напомнить о фактахъ, извѣстныхъ вамъ въ такой же мѣрѣ, какъ и намъ, но, очевидно, преданныхъ забвенію въ моментъ написанія резолюціи. Вотъ эти факты.

Вы должны помнить, конечно, что въ 1910 году былъ въ Копенгагенѣ Международный Соціалистическій Конгрессъ, на которомъ присутствовали и делегаты отъ П. с.-р. Вы не только не протестовали противъ этого представительства но и сами принимали въ немъ участіе, не смотря на то, что уже тогда „П. с.-р. не имѣла правильно избраннѣ партійными съѣздами центральныхъ учреждений“ и что уже тогда „Заграничная Делегация Ц. К. П. с.-р. не могла считаться выразителемъ организмовной воли“ россійскихъ товарищей.

Вы должны помнить также и то, что въ 1912 г. былъ Междунар. Соціал. Конгрессъ въ Базелѣ, на которомъ одинъ изъ Васъ представлялъ отъ той же Партіи — и тогда, очевидно, Вы не находили, что „вводите въ заблужденіе товарищей, пользуясь ихъ неосвѣдомленностью о настоящемъ положеніи дѣла“.

Вы знаете, затѣмъ, что на Лондонскомъ совѣщаніи соціалистовъ странъ „согласія“ вмѣстѣ съ т. Бобровымъ, представителемъ интернаціоналистической части агр. Делег. Ц. К. П. с.-р. присутствовалъ и Вашъ единомышленникъ, т. Кубовъ, въ качествѣ представителя социаль-патріотической части той-же Делегации. И тогда Вы опять таки не протестовали и обвинительныхъ резолюцій не печатали, считая, очевидно, что такое представительство ни кого въ „заблужденіе“ не вводитъ и ничьей „неосвѣдомленности“ не эксплуатируетъ.

Вамъ небезвѣстно, наконецъ, что Загр. Дел. Ц. К. П. с.-р. взяла на себя расходы по представительству интернаціоналистической части ея на Циммервальдской Конференціи и въ Бернской Междунар. Соціал. Комиссіи — взяла не противъ воли, а съ согласія социаль-патріотической части той же Делегации. И тогда, давая на это свое согласіе, социаль-патріоты изъ Делегации, очевидно, полагали, что „учрежденіе“, которое не можетъ считаться „выразителемъ не только организованной воли, но и просто общественнаго мнѣнія“ россійскихъ товарищей, все же

имѣтъ право принимать участіе въ международно-соціалистическихъ выступленіяхъ, отвѣчающихъ идеямъ или всей Делегации или какого-нибудь изъ представленныхъ въ ней теченій.

Такъ было съ 1910 вплоть до конца 1915 г.

Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ въ смыслѣ „правильности“ или „неправильности“ партійнаго представительства? Что произошло новаго — такого, что вынудило Васъ на публичный протестъ?

Формально и по существу вашей аргументаціи рѣшительно ничего новаго не произошло: чѣмъ Делегация была въ 1910, 1912, 1914 и 1915 гг., тѣмъ она осталась и поднесъ — символомъ существованія партіи и, символомъ единства ея разрозненныхъ, дезорганизованныхъ силъ. И больше, чѣмъ смѣшно, думать, будто новымъ аргументомъ, поставившимъ вверхъ дномъ всю вашу прежнюю аргументацію, является тотъ фактъ, что т. Бобровъ выступаетъ сейчасъ въ интернаціоналистическихъ совѣщаніяхъ отъ имени „большинства“, а не „части“ Делегации: вѣдь было публично — за подписью *всей* Делегации — заявлено, что точка зрѣнія этого фактического, численнаго „большинства“ не можетъ, впредь до постановленія правомочныхъ партійныхъ собраній въ Россіи, разсматриваться, какъ точка зрѣнія *большинства Партіи*.

Зачѣмъ же ломиться въ отквтыя двери? А то обстоятельство, что т. Бобровъ *вообще* выступаетъ какъ *представитель Делегации* — подчеркиваемъ еще разъ — апробированно и постановленіемъ (о расходахъ!) социаль-патриотической части ея и вашимъ персональнымъ участіемъ въ таквго рода „выступленіяхъ“ за предыдущіе годы.

На чемъ же базированъ вашъ *именно вашъ*, протестъ?

И. И. Бунаковъ часто — даже чаще, чѣмъ этого требуетъ элементарный тактъ — взываетъ къ искренности. Такъ позвольте же и намъ на этотъ разъ апеллировать къ ней.

Отвѣйте — но только, пожалуйста, безъ дипломатіи, забывши на мигъ о томъ, что вы „реальные политики“, да кстати и о той „noblesse oblige“, которая порой заставляетъ людей считаться съ нравами и традиціями вновь приобрѣтенныхъ друзей, — словомъ, отвѣйте такъ, какъ отвѣчали вы всегда, правдиво, честно: что собственно побудило васъ согласиться на принятіе напечатанной въ „Призывѣ“ резолюцій? Отвѣйте и не вынуждайте приходиться къ печальному во всѣхъ смыслахъ выводу, что недугъ, именуемый идиосинкразіей, и обусловленная этимъ недугомъ нетерпимость къ нарушителямъ вашего душевнаго равновѣсія, къ ненавистнымъ вамъ „циммервальдистамъ“, — являются единственнымъ мотивомъ того, выражаясь деликатно, легкомысленно-несправедливымъ обвиненія, которымъ помѣщенная въ „Призывѣ“ резолюція пытается очернить людей, *будто-бы* стремящихся „вести въ заблужденіе товарищей“ и использовать „ихъ неосвѣдомленность о настоящемъ положеніи дѣлъ“.

Мы просимъ отвѣта. Мы настаиваемъ на немъ.

В. Апаратскій
Н. Лазаревичъ

МАЛЕНЬКАЯ СПРАВКА

(Къ вопросу о „немѣшаніи Царизму“
и Защитѣ Родины“)

По утвержденію Бориса Воронова „было бы *нелѣпо* мѣшать царизму“ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, т. е. Германией и, слѣдовательно, исполнѣ *лѣпо* „въ этомъ дѣлѣ и только въ этомъ дѣлѣ“ оставаться демократіи „бокъ о бокъ“ съ царизмомъ.

Таковъ призывъ изъ за рубежа.

Каковы же отклики жизни изъ самой Россіи?

На създѣ военно-промышленныхъ комитетовъ, Рабочая Делегация (демократія) заявила:

«Въ то время, какъ для нашихъ французскихъ и бельгийскихъ товарищей открытъ путь къ свободному участію въ защиту изъ родины, рабочій классъ въ Россіи стоитъ передъ глухой стѣной крѣпостническаго строя, не допускающаго его къ осуществленію самозащиты. Реакція (!) скорѣе готова отдать страну на военный разгромъ, продать и предать ее, чѣмъ допустить народъ къ самозащитѣ... Добиться при господствующихъ въ Россіи условіяхъ правъ для всего народа на самозащиту — означаетъ не что иное, какъ немедленное и коренное измѣненіе существующихъ политическихъ условій и врученіе власти правительству, поставленному народомъ и отвѣтственному передъ нимъ».

Далѣе, при обсужденіи смѣты Министерства Внутр. Дѣлъ, депутатъ А. И. Ченкели (которому Б. Вороновъ не откажетъ въ прикосновенности къ демократіи) между прочимъ заявилъ:

Власти, ведущія страну къ гораженію и порабощенію, нельзя давать денегъ ни по одной смѣтѣ, тѣмъ болѣе по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ...

И далѣе:

Изъ хорошихъ писаній, выходящихъ изъ подъ пера П. Н. Милюкова, ясно, что революція не есть плодъ нашихъ желаній или стремленій, а есть плодъ стеченія различныхъ обстоятельствъ: историческихъ, бытовыхъ, политическихъ, экономическихъ и т. д. Власть провоцируетъ теперь революцію, значитъ, надо готовиться къ этому кризису и поступать совершенно обратномъ тому, какъ поступали вы, когда стремились ликвидировать возбужденіе противъ власти.

Такъ понимаетъ защиту родины демократія. Но вотъ, что говорятъ о „немѣшаніи царизму“ даже такой депутатъ, какъ А. И. Савенко:

Насъ приглашаютъ прекратить оппозицію, повторяя старое слово дворянина Павлова: «не мѣшайте». Но мы не мѣшали весь первый годъ войны, и знаемъ, къ чему это привело. Если бы Государственная Дума не мѣшала и далѣе русскому правительству, *то это могло бы привести къ торжеству Германіи*.

Это заставляетъ насъ мѣшать и мы все время будемъ мѣшать.

По утвержденію деп. Савенко приглашали „не мѣшать“ тѣ, кто

Не Россіи служатъ, а правительству!

Читатель

Изъ Россіи.

Нами получено изъ Россіи два документа, которые мы ниже печатаемъ: 1) постановленіе петроградскаго комитета П. С.-Р. и 2) предложеніе петроградской инициативной издательской Группы и провинціальной инициативной группы С.-Р., разосланное по російскимъ партійнымъ организаціямъ для обсужденія.

(Печатаніе ихъ запрещено цензурой).

Le Gérant: **Hambourg.**

Imprimerie Russe, 19, rue Daguerre